

А. А. Нигметзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Стимулирующие нормы в конституционном праве

Резюме. В статье проводится комплексное исследование механизма стимулирующего влияния норм конституционного права на общественные отношения, дается определение понятия стимулирующего регулирования в конституционном праве, выделяются виды стимулирующих норм конституционного права. На сегодняшний день остается недостаточно изученной и потому актуальной тема комплексного анализа содержания стимулирующих норм в конституционном праве. Переосмысление роли стимулирующих норм может быть применено к анализу конституционно-правовой доктрины и к вопросам правового дизайна конституционных правоотношений. Отказ внедрять правовые стимулы в определенных сферах человеческого поведения может объясняться необходимостью сохранения неправовых мотивов и норм, которые управляют человеческим поведением в отсутствие правового вмешательства. Результаты исследования показывают, что стимул следует понимать как специальное юридическое средство, мотивирующее субъект права на позитивное поведение, выраженное в нормативном предписании. Государство получает максимальный эффект от применения стимулирования в том случае, когда «мягкие» стимулы используются совместно с инструментами обязывания. Отмечается, что на повышение стимулирующего эффекта конституционно-правовых норм влияет практика Конституционного Суда РФ. Поощрение вместе с такими видами стимулов, как льготы и привилегии, выступает перспективным методом стимулирования правомерного поведения, обеспечивая дисциплину и правопорядок.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционное право; конституционные правоотношения; стимул; стимулирование; стимулирующее влияние; стимулирующее регулирование; стимулирующие нормы; поощрение; льготы; привилегии

Для цитирования: Нигметзянов А. А. Стимулирующие нормы в конституционном праве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 90–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.090-101

Incentive Norms in Constitutional Law

Almaz A. Nigmatzyanov

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper conducts a comprehensive study of the mechanism of the incentivizing influence of constitutional law norms on social relations, provides a definition of the concept of incentive regulation in constitutional law, and identifies the types of incentive norms in constitutional law. To date, the topic of a comprehensive analysis of the content of incentive norms in constitutional law remains insufficiently studied and therefore relevant. Rethinking the role of incentive norms can be fruitfully applied to the analysis of constitutional legal doctrine and to the issues of legal design of constitutional legal relations. The refusal to introduce legal incentives in certain areas of human behavior may be explained by the need to preserve non-legal motives and norms that govern human behavior in the absence of legal intervention. The results of the study show that an incentive should be understood as a special legal means that motivates persons subject to the law to positive behavior expressed in a regulatory direction. The state gets the maximum effect from the use of incentives

when «soft» incentives are used in conjunction with binding instruments. It is noted that the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation influences the increasing stimulating effect of constitutional law norms. Encouragement, along with such types of incentives as benefits and privileges, is a promising method of stimulating lawful behavior, ensuring discipline and law and order.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; constitutional law; constitutional legal relations; incentive; stimulation; stimulating influence; legal stimulation; incentive norms; encouragement; benefits; privileges

Cite as: Nigmatzyanov AA. Incentive Norms in Constitutional Law. *Lex russica*. 2026;79(7):90-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.090-101

Введение

Стимулирование — один из важнейших инструментов в условиях современного правового регулирования, сущность которого заключается в активизации субъектов правоотношений, которые совершают положительные действия, выгодные как для членов социума, так и для государственного аппарата в целом¹, а также в воздержании других субъектов от неправомерного поведения.

Ценность стимулирующих норм в конституционном праве заключается в создании властным аппаратом механизма эффективного управления посредством формирования у субъектов общественных отношений мотивации к рациональному развитию той или иной сферы общественных отношений. Законодательное закрепление стимулирующих норм опирается на общие принципы, заложенные в конституционном праве². При этом важно заметить, что прямая фиксация норм-принципов института конституционно-правового стимулирования отсутствует, как отсутствует и само понятие «конституционно-правовое стимулирование». Не предусмотрено законодательством и разграничение таких терминов, как «стимулы» и «поощрения», и российские исследователи не пришли к единому выводу о формулировках

данных понятий. В этой связи большую роль в повышении стимулирующего эффекта тех или иных конституционных норм играет практика Конституционного Суда РФ. Именно за счет такой практики происходят «оживление», апробация, а также усиление стимулирующего воздействия на общественные отношения конкретных конституционных норм.

По справедливому замечанию А. А. Югова, «использование поощрительных конституционно-правовых норм побуждает участников общественной жизни к активному поведению, делает их деятельность более целенаправленной и целеустремленной, расширяет границы культивирования позитивной ответственности. В настоящее время метод нормативно-правового стимулирования и поощрения в конституционном праве пока не получил должного развития, но перспектива его использования представляется весьма оптимистичной и безгранично широкой»³. Оценки стимулирующих норм неоднозначны, и объясняется это их неодинаковым влиянием на общественные отношения, поскольку в них может содержаться как побуждение к позитивному действию, так и принуждение, воспринимаемое как нечто негативное⁴. Сравнивают стимул с методом кнута и пряника, полагая первым принуждение, а вторым — моральные и материальные факторы⁵.

¹ См.: Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56–58.

² См.: Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88.

³ Югов А. А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

⁴ См.: Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 17–21.

⁵ См.: Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений / Д. Е. Сидельников, В. С. Грачев, А. Г. Гурбанов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 153–159.

**Понятие стимулирующего регулирования
в конституционном праве**

В условиях активного развития междисциплинарных, так называемых стыковых, исследований юридическая наука, как и многие другие социально-гуманитарные науки, находится в поиске эффективной модели системы правовых предписаний, которые будут полностью отражать сущность и социальное предназначение права, а также достигать максимального социального эффекта в интересах общества и государства при помощи различных правовых средств. Перед юристами-исследователями стоят в первую очередь задачи систематизации правовых средств воздействия на участников публично-правовых отношений и анализа мотивационных механизмов правового регулирования.

В данном контексте важно заметить, что правовые стимулы — это один из сильнейших мотивационных рычагов, а также эффективное средство воспитания и инструмент государственного управления, при помощи которого возможно успешно разрешать социально-экономические проблемы.

Большая часть современных исследователей, рассматривая природу правового стимулирования, опирается на работы А. В. Малько, который указывает, что «правовой стимул есть правовое побуждение к законопослушному деянию, содержащее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования»⁶. Содержание правового стимула предполагает наполнение его положениями, предусматривающими льготы, поощрения, привилегии и т.д. Все они в целом направлены на выработку у субъекта положительной мотивации, побуждение субъекта к правомерному поведению.

Формальные правила и государственная политика играют фундаментальную роль в регулировании повседневных взаимодействий людей.

Традиционно экономисты и менеджеры отвечали за проработку правил в контексте создания официальных символов. Однако именно юристы, а не экономисты заинтересованы в хороших законах: законы и формальные правила являются «обязательствами, подкрепленными стимулами»⁷.

Рассуждая о структуре стимулирующих правовых норм, необходимо заметить, что действия лиц, находящихся в юрисдикции государства, должны быть направлены на соблюдение данных норм, так как стимулы работают на последствия поддержания или нарушения требуемого поведения⁸. Теоретики права и психологии считают, что норма эффективна тогда, когда она не только принуждает, но и побуждает совершить что-либо через обещание определенных льгот или преференций либо сигнализирует о возможных как позитивных, так и негативных последствиях⁹. С этой точки зрения норма формирует у людей мотивацию и выступает стимулом, обеспечивающим выполнение правила.

Для осмысления механизма влияния на человека содержания стимулирующих норм важно понять, как эти нормы способствуют формированию мотива поведения человека, каким образом стимулы, имеющие принудительную природу, и стимулы, носящие добровольный характер, взаимодействуют друг с другом¹⁰.

Западными исследователями выявлено, что в основе современной модели законопослушного поведения лежит самая простая концепция — «концепция рационального субъекта», согласно которой человек, выбирая тот или иной алгоритм действий, оценивает затраты и приобретения как результат подобного поведения. В конечном итоге субъект действует так, чтобы максимизировать ожидаемые выгоды. Г. Беккер в основополагающей работе «Экономический подход к человеческому поведению» заметил, что «концепция рационального субъекта помогла охарактеризовать и объяснить поведенческие результаты не только в тех сферах

⁶ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003. С. 60.

⁷ Туманов Г. А. Человеческий фактор государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 8–12.

⁸ См.: Баранов П. П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 35–41.

⁹ Fischbacher U., Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 541–556.

¹⁰ См.: Galbiati R., Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38. P. 48–57.

человеческого поведения, которые традиционно считаются поддающимися экономическому анализу, например купля-продажа на рынках, но и в таких нетрадиционных сферах, как брак»¹¹.

Безусловно, люди зачастую действуют, исходя не только из экономических выгод, но и из чувства морального долга, преданности, стремления к истине и др.

Правильная реализация модели рационального субъекта приводит к тому, что закон фактически становится двигателем стимулов. Прежде всего важно понять, как соотносятся между собой «правовое поощрение» и «правовое стимулирование». Уточнение содержания используемых в исследовании понятий акцентирует внимание на их различиях, исключает дублирование и неопределенность¹².

«Правовое стимулирование» — более широкое понятие, оно охватывает все виды поощрения, а также меры обязывающего, принудительного характера, побуждающие субъекта права к правомерному поведению. Но, например, согласно А. В. Малько, стимулы — «лишь позитивные средства (дозволения, льготы, привилегии, иммунитеты, надбавки, доплаты, компенсации, поощрения и т.п.) и не должны включать средства негативные (запреты, обязанности, приостановления, меры пресечения, лимиты, меры принуждения и т.п.), которые относятся к правовым ограничениям как ко второй стороне управленческого процесса»¹³. Другие юристы утверждают, что и поощрение, и принуждение нужно рассматривать исключительно в комплексе¹⁴. Ряд исследователей вообще обходит стороной вопросы вида и характера воздействия, определяющего стимул¹⁵.

Мы полагаем, что такое правовое явление, как стимул, многогранно и что стимулирование в конституционном праве нельзя воспринимать изолированно. Исключительно комплексное рассмотрение принуждения с поощрением

позволяет раскрыть особенности стимулирующих норм в конституционном праве. При этом поощрение есть частное проявление стимула, поскольку поощрительная норма тоже выступает как стимулирующая.

Распространено мнение, что «поощрение является средством позитивного социального и правового оказания воздействия на человеческое поведение для создания и поддержания социально значимой деятельности, в результате чего заслуженное поведение субъекта вознаграждается, а также происходит реализация взаимного интереса личности, общества, государства»¹⁶. Стоит согласиться с таким подходом, поскольку поощрение как вид стимулирования применяется к субъекту, не только добросовестно исполняющему обязанности, но и показавшему сверхнормативные результаты деятельности¹⁷.

Отметим, что категории «стимул» и «поощрение» не получили легального определения в законодательстве, но повсеместно встречаются в документах различного уровня.

Если оценивать такой правовой институт, как стимулирование, с исторической точки зрения, то нужно подчеркнуть, что он значительно беднее проработан, чем институт ограничений. Это связано с тем, что на протяжении сотен лет государству было проще устанавливать запреты, нежели формировать модель поведения, выстроенную при помощи методов стимулирования.

Исследование института правового стимулирования произвело революцию в юридической науке. Многие федеральные нормативные акты разрабатывались с учетом стимулов, которые они создают. Преднамеренные стимулы можно найти в конституционном, налоговом, экологическом, административном, финансовом законодательстве. То есть в отраслях публичного права наличие стимулирующих норм служит эффективным рычагом для выполнения управленческих задач в государстве.

¹¹ Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1976. P. 205–250.

¹² См.: Малько А. Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24.

¹³ Малько А. В. Указ. соч. С. 51–52.

¹⁴ Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 43–51.

¹⁵ Дракина М. Н. К вопросу о соотношении понятий «поощрение» и «стимулирование» в юридической науке // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 78–83.

¹⁶ Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 12.

¹⁷ См.: Нигметзянов А. А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб. : Алетей, 2020. С. 25.

В конституциях как основных законах государства закрепляются нормы-стимулы общего характера. Советские конституции содержали нормы, стимулирующие проведение народных собраний, митингов, шествий, создание союзов, получение образования и т.д. (Конституция РСФСР 1918 г.)¹⁸. Запрещающие конституционные нормы стимулировали установление соответствующего стандарта поведения. Например, в Конституции СССР 1936 г. статья 131 обязывала гражданина СССР «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность»¹⁹.

Данная тенденция прослеживается и в конституциях европейских государств (Ирландии, Индии, Испании, Польши). Вслед за советскими конституциями они стали провозглашать социальные права, являющиеся по своей природе нормами-стимулами.

Правовой стимул используется в различных отраслях права, в том числе и в конституционном, преимущественно в целях минимизации противоправного поведения участников правовых отношений, но это не приводит к превращению его только в ограничение. Стимул продолжает выполнять свое сущностное предназначение — выступать позитивным ограничителем активности конкретного субъекта или субъектов. Сущность правового стимула — формировать у субъекта желание действовать позитивно, сообразуясь с требованиями общества, формализованными установками государства.

Сам термин «правовой стимул» предполагает, что следует понимать его как юридическое установление, как «правовое (юридическое) средство, которое нельзя полностью отождествлять с правовой нормой или правовым институтом. Несомненно, правовые нормы, правовые институты или даже правовые режимы можно рассматривать с позиции комплексного правового стимула, однако и одна правовая норма может содержать целый ряд стимулирующих юридических средств. Более того,

единичная правовая норма может заключать в себе как стимулирующие, так и ограничивающие правовые средства»²⁰.

Вышеизложенное позволяет определить правовой стимул как специальное юридическое средство, мотивирующее субъект права на позитивное поведение (действие/бездействие), выраженное в нормативном предписании.

Стимулирующий характер конституционных предписаний проявляется в нормах, устанавливающих конституционно-правовую ответственность. Так, Конституция РФ содержит нормы о роспуске Государственной Думы Президентом РФ, что предполагает формирование мотивации депутатов на недопущение появления оснований для роспуска. Возможная отставка Правительства РФ стимулирует его членов эффективно исполнять свои обязанности. Безусловно, в реализации этих норм обнаруживается не только юридический, но и политический аспект. В то же время стимулирующий компонент просматривается в соответствующих нормах Конституции.

С точки зрения формально-юридической логики институт конституционно-правовой ответственности имеет свое сущностное отраслевое предназначение. Он носит не репрессивный, а восстановительный (компенсационный) характер, что отличает его, например, от уголовной ответственности. Совершенно права Т. Я. Хабриева в том, что «назначение и смысл применения мер конституционно-правовой ответственности не сводится к наказанию нарушителя, а основной своей целью имеет *стимулирование поведения*, отвечающего как нормам конституционного права, так и конституционным идеалам»²¹.

Важное место в актуализации стимулирующих конституционных норм отводится Конституционному Суду РФ. Так, разрешая одно из дел, Верховный Суд РФ сослался в определении на позицию Конституционного Суда²², согласно которой оспариваемая норма «закрепляет

¹⁸ См.: Отечественные конституции 1918–1978 гг. / сост.: П. В. Крашенинников, О. А. Рузакова ; отв. ред. и автор вступ. сл. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2018. С. 37.

¹⁹ См.: Отечественные конституции 1918–1978 гг. С. 237.

²⁰ Куликов М. А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств, или Почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4. С. 31–35.

²¹ Хабриева Т. Я. Конституционные идеалы и современное законодательство // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 12–22.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 921-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кульева Олега Мерездурдыевича...» // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

льготу, позволяющую увеличивать выслугу лет для назначения пенсии, носит стимулирующий характер». Суд исходил из того, что норма содержит поощрительную мотивацию к поступлению на службу в органы внутренних дел лиц, обладающих профессиональной подготовкой, и «не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан»²³.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал стимулирующую роль норм публичного права, их направленность на укрепление политической солидарности, повышение гражданской активности граждан. В частности, Суд отмечал важность государственных наград как вида публичного поощрения, признания заслуг гражданина перед Отечеством. Официальная награда несет в себе особый смысл, служит одним из средств воспитательного воздействия не только на современников награжденного, но и на будущие поколения. Награды имеют «прежде всего не материальную, но духовно-нравственную, мемориальную ценность, не позволяющую считать их обычными объектами гражданских прав»²⁴.

В последние годы метод стимулирования всё чаще используется в системе конституционно-правового регулирования. Полагаем, что сложившаяся ситуация обусловлена значительно повысившейся степенью зрелости гражданского общества и сменой тональности в управлении. Всё чаще государство призывает общество в более мягкой форме воспринимать ту или иную модель поведения, понимая, что исключительно приказная система не удовлетворяет его потребностям. Именно метод стимулирующего воздействия превращает деятельность всех субъектов в осмысленную и добровольную, базирующуюся на истинных традиционных ценностях.

Такой подход свойственен многим демократическим государствам, увеличивающим долю стимулирующих норм в своей правовой системе. Замещение в ряде случаев средств, обеспечивающих охранительную функцию, на мотивирующие и стимулирующие правовые

механизмы помогает добиваться значительных успехов в развитии общества. Их появление производит эффект, который служит лучшим подтверждением правильно выбранной стратегии правового регулирования²⁵.

Поправки к Конституции 2020 г. продемонстрировали тенденцию расширения социальных прав граждан, усиления внимания государства к формированию норм, отвечающих принципу социальной солидарности. Достижение поставленных целей возможно при использовании норм стимулирующего характера, вовлечении населения в творческий процесс развития наметившихся положительных тенденций во многих сферах жизни общества. По нашему мнению, именно они сыграют огромную роль в строительстве государства нового поколения.

Правовые стимулы применимы не только к отдельным индивидам, но и к целым группам и публично-правовым образованиям. В этой связи их активно используют при выстраивании федеративных отношений, а также в процессе разграничения предметов ведения субъектов и Федерации.

Представляется, что правовые стимулы должны обладать общими для всех субъектов общественных отношений признаками, а именно: исходить от государства, быть законодательно закрепленными, соответствовать целям государственной политики, побуждать субъектов к совершению определенных действий (формировать мотивацию), ориентироваться на получение конкретного результата посредством правомерного поведения субъектов, создавать условия для получения субъектами положительных последствий в виде возможностей, благ и др.

Таким образом, правовые стимулы в конституционном праве отражают в первую очередь интересы государства. Определяющая роль правового стимулирования состоит в том, что субъект не принуждается к определенной модели поведения под страхом наказания, а выбирает ее осознанно при наличии вариантов.

²³ Апелляционное определение апелляционной коллегии Верховного Суда РФ 05.09.2024 № АПЛ24-315 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: *Criscuolo A.* The Role of Law in the Era of Change // *Kutafin University Law Review*. 2015. № 2. P. 255–256.

Виды стимулирующих норм конституционного права

Формы реализации норм конституционного права России превращают базовые положения Основного Закона в систему реальной общественной жизни. Классическими формами жизни конституционно-правовых норм выступают их соблюдение, исполнение и применение.

От форм реализации норм права необходимо отличать способы. Традиционно способ реализации права понимается как действие или система действий, которые совершают субъекты для воплощения своих прав и обязанностей в жизнь. Из определения понятия «форма» вытекает вывод, что «оно является более обширным и глубоким, нежели “способ”, и состоит именно из способов (действий)»²⁶.

Классические способы реализации правовых норм (обязывание, дозволение, запрещение) находят отражение и в Конституции.

Обязанность как неоспоримое исполнение конституционной нормы присутствует во многих конституционных статьях. Например, обязанности Президента РФ закреплены в гл. 4 (обязанность назначить выборы Государственной Думы в установленный законом срок, обязанность принести присягу при вступлении в должность и др.).

Дозволение предполагает исполнение конституционной нормы субъектом права. Так, статья 72 содержит перечень предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, предоставляя субъектам право осуществлять правовое регулирование по прописанным в ней вопросам.

Запрещение указывает на необходимость исключить определенные виды действий из своего поведения. В Конституции запрещающие нормы обращены как к гражданину (запрет нарушать права и свободы других лиц), так и к органам власти (запрет лишения гражданства), должностным лицам (запрет иметь счета в зарубежных банках).

Рассматривая возможную классификацию конституционных стимулов, обратимся к аналогичным отраслевым градациям. Исследуя их

видовое многообразие, С. В. Мирошник выделяет материальные и нравственные стимулы. Если материальные связаны с денежным вознаграждением, овеществленными приобретениями (жилье), то нравственные, как правило, с признанием заслуг (творчество, продвижение по службе)²⁷.

Помимо двух обозначенных групп, в публичном праве существуют статусные стимулы. Классический пример — аттестация. Так, согласно ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸ аттестация сотрудника органов внутренних дел проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности в органах внутренних дел. Положительная аттестация предполагает повышение в должности, а для этого нужно совершенствовать профессиональные навыки, эффективно выполнять поставленные задачи на службе. Не исключены и отрицательные результаты аттестации. Таким образом, аттестация стимулирует служащего к плодотворной деятельности.

В качестве примера стимулирующих норм приведем ситуацию, когда стимуляция применяется не к конкретным физическим лицам, а к территориям. Так, актуальная тема в конституционном праве на сегодняшний день — развитие федеральных территорий в России. Одной из целей их создания явилось стимулирование отдельных направлений развития территорий, в частности увеличение их инвестиционной привлекательности через формирование условий для усиления научного и иного потенциала. Вопрос, который вызывает интерес научного сообщества, — это регламентация статуса федеральных территорий в контексте реализации стимулирующей политики.

Возможность создания особых территорий со специфическим статусом предусмотрена законодательством многих государств, что продиктовано необходимостью обеспечения особых условий для их функционирования. Конституционно-правовой статус этих территорий зависит от целей и задач²⁹.

²⁶ Мельников С. А. К вопросу о соотношении способов правового регулирования и способов реализации права // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 45–51.

²⁷ Мирошник С. В. Теория правового стимулирования : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2003. С. 45.

²⁸ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

²⁹ См.: Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Классический пример федеральной территории — столичный округ Колумбия, учрежденный в США в 1790 г.³⁰ Аналогичными территориями обладают Австралия и Малайзия. Правовой статус столицы Австралии, г. Канберры, урегулирован специальным законом, который гласит, что «исполнительная власть в столице осуществляется главным министром; законодательная власть отнесена к компетенции выборной законодательной ассамблеи, чьи полномочия ограничены в сравнении с парламентами штатов»³¹.

Несмотря на различие в формах и механизме функционирования таких территорий, их цель в системе публичного управления — решение конкретных специализированных задач, а важнейшая особенность — наличие прямого федерального управления.

Среди новаций, внесенных поправками к Конституции РФ 2020 г., — появление федеральной территории. Пока учреждена только одна такая территориальная единица — «Сириус», ее правовое положение определяется Федеральным законом от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”»³².

В силу новизны правовой статус территории детально нормативно не урегулирован. В контексте данной статьи поставим вопросы: является ли создание федеральных территорий привлекательным направлением развития отдельно взятых территорий? Станет ли это направление стимулом для повторения полученного опыта? Можно ли утверждать, что такая политика есть продолжение поиска приемлемых форм развития Федерации по примеру создания федеральных округов?

Оценка округов осуществляется в том числе с точки зрения поиска приемлемых форм и методов регулирования федеративных отношений, оптимизации взаимоотношений управ-

ленческих структур в системе властной вертикали³³.

Виды правовых стимулов в конституционном праве весьма разнообразны в силу сложности и специфичности субъектов, задействованных в механизме правоотношений. Это дает основание рассматривать их, ориентируясь на характерные признаки. Для отражения наиболее важных аспектов правового стимулирования остановимся на некоторых видах стимулирующих норм, среди которых значимое место занимают поощрительные нормы.

Поощрительные и стимулирующие нормы не тождественны. В литературе высказывается мнение, что «любая поощрительная конституционно-правовая норма является стимулом, однако не всякий стимул может являться нормой поощрения»³⁴. Отсюда справедлив вывод, что поощрительная норма в любом случае выступает стимулирующей, как и меры принуждения, поскольку они побуждают к поведению, исключаяющему противоправные действия.

Соответственно, поощрительные нормы — это специфическая группа стимулирующих норм, которая порождает уникальные по своей природе правовые последствия.

На основании изложенного можно не только судить о многогранности института правового стимулирования, но и сформулировать вывод о том, что соотношение таких методов государственного управления обществом, как убеждение и принуждение, позволяет оценить уровень применения стимулирующего влияния³⁵. Конечно, «стимулирование, а тем более материальное поощрение, не равнозначно убеждению, но оно ближе к нему, чем к принудительным мерам»³⁶.

Благодаря стимулированию органы публичной власти формируют заинтересованность в определенной модели поведения у конкрет-

³⁰ The Residence Act 1790 // The Library of Congress. URL: <https://guides.loc.gov/residence-act> (date of access: 30.01.2025).

³¹ Seat of Government Act 1908 // Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2004C00607> (date of access: 30.01.2025).

³² СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

³³ См.: Беленко Н. М., Столяров М. В. Три этапа развития федерализма в постсоветской России // Федерализм. 2006. № 3. С. 33–56.

³⁴ Колобовников В. Н. О месте поощрительных норм в системе конституционно-правовых норм // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 82.

³⁵ См.: Таева Н. Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 24–29.

³⁶ Фиалковская И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография. Казань : Бук, 2019. С. 83.

ных субъектов. Стимулирование — это процесс, порождающий заинтересованность, а поощрение — важнейшее средство стимулирования. Стимулирующая норма предполагает материальный или моральный компонент, который изначально предусматривается нормой. Норма, предполагающая поощрение, не всегда обещает его³⁷. Помимо поощрения, видами стимулирования являются льготы и привилегии.

Льгота чаще всего трактуется как преимущественное право, предоставленное конкретному субъекту. В этой связи особый интерес представляет исследование А. В. Подольского, в котором он обосновал разницу между льготой и иными видами правового стимулирования: «В отличие же от поощрений, льгота упрощает реализацию прав и исполнение обязанностей и не требует достижения положительного результата или определенной заслуги. Поэтому поощрение располагается всегда в санкции правовой нормы, а льгота — в диспозиции»³⁸. Льготы как правовые стимулы обладают следующими признаками:

«1) направлены на создание благоприятных условий для осуществления прав и исполнения обязанностей для субъектов с меньшими возможностями;

2) являются правовыми исключениями;

3) располагаются в диспозициях правовых норм»³⁹.

Термин «льгота» гораздо шире, чем «привилегия». Это связано с историческим прошлым, когда привилегия рассматривалась как признак социального неравенства, а понятие «льгота» чаще всего использовали, когда хотели улучшить положение отдельной категории граждан. Например, в советское время льготами пользовались студенты, беременные женщины, многодетные семьи. В настоящее время вводятся льготы для детей из многодетных семей (посещение спортивных секций), школьников (особый тариф на проезд) и т.д.

Термин «льгота» уместен, когда речь идет о материальном положении нуждающегося лица. Привилегия же, в отличие от льготы, определяется как исключительное право, предоставленное кому-либо. Привилегия характеризуется

должностным статусом лица и может возникать без фактического основания — конкретной заслуги. По мнению А. Г. Репьева, в действующем праве «привилегия как тип правового преимущества представлена следующими видами: преференцией, субсидией, грантом, квотой и властной прерогативой»⁴⁰.

Конституционное право — показательная отрасль в части регламентации определенных правовых привилегий. Так, сенаторы Совета Федерации в течение всего срока полномочий пользуются правом на неприкосновенность (ст. 98 Конституции РФ), не могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности в общем порядке, не допускаются задержание сенатора для проведения личного досмотра, помещение под арест без согласия общего собрания Совета Федерации и др.

Выводы

Таким образом, поощрение как вид стимулирования выступает одним из наиболее эффективных способов повышения активности личности. Общее назначение поощрения как стимулирующего метода проявляется в ряде функций, а именно:

— ориентационной (поощрительная норма задает вектор поведения ее адресатов);

— оценочной (происходит оценка поведения личности);

— стимулирующей (побуждает к достижению позитивного результата);

— согласования интересов (поощрение приводит к достижению баланса интересов государства и граждан).

Подводя итог, отметим, что стимулирование — это процесс, порождающий заинтересованность, а поощрение (материальное, моральное) — важнейший вид стимулирования. Поощрение является перспективным методом стимулирования правомерного поведения, поскольку обеспечивает дисциплину и правопорядок. Помимо поощрения, существуют такие виды стимулирования, как льготы и привилегии.

³⁷ См.: Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.

³⁸ Подольский А. В. Льготные правовые режимы: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2020. С. 10.

³⁹ Подольский А. В. Указ. соч.

⁴⁰ Репьев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 14–20.

Запрещающие нормы также имеют стимулирующий компонент, поскольку ориентируют субъектов права на воздержание от совершения определенных действий, принятия противоправных решений.

Учитывая тот факт, что ни конституционно-правовая доктрина, ни законодательство не

отразили унифицированного подхода к пониманию стимула, полагаем возможным доктринально определить структуру стимула в конституционном праве. Стимул как средство регулирующего влияния на общественные отношения включает в себя поощрение, льготу и привилегию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности : монография. М. : Проспект, 2016. 549 с.

Баранов П. П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 35–41.

Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 43–51.

Беленко Н. М., Столяров М. В. Три этапа развития федерализма в постсоветской России // Федерализм. 2006. № 3. С. 33–56.

Дракина М. Н. К вопросу о соотношении понятий «поощрение» и «стимулирование» в юридической науке // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 78–83.

Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 197 с.

Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений / Д. Е. Сидельников, В. С. Грачев, А. Г. Гурбанов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 153–159.

Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 17–21.

Колобовников В. Н. О месте поощрительных норм в системе конституционно-правовых норм // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 78–83.

Куликов М. А. Диалектическая природа стимулирующих юридических средств, или Почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. 2022. № 4. С. 31–35.

Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88.

Малый А. Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24.

Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 248 с.

Мельников С. А. К вопросу о соотношении способов правового регулирования и способов реализации права // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 45–51.

Мирошник С. В. Теория правового стимулирования : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2003. 316 с.

Нигметзянов А. А. Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб. : Алетей, 2020. 208 с.

Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.

Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56–58.

Подольский А. В. Льготные правовые режимы: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2020. 23 с.

Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Рельев А. Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 14–20.

Таева Н. Е. Нормы конституционного права: теоретические проблемы классификации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 24–29.

Туманов Г. А. Человеческий фактор государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 8–12.

Фиалковская И. Д. Методы государственного управления: вопросы теории : монография. Казань : Бук, 2019. 154 с.

Хабриева Т. Я. Конституционные идеалы и современное законодательство // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 12–22.

Югов А. А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8–13.

Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1976. 314 p.

Criscuolo A. The Role of Law in the Era of Change // Kutafin University Law Review. 2015. No. 2. P. 255–256.

Fischbacher U., Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 1. P. 541–556.

Galbiati R., Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38. P. 48–57.

REFERENCES

Alabastrova IA. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).

Bakhrakh DN. Incentives in the activities of public administration. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2006;7:43-51. (In Russ.).

Baranov PP. Improving Russia's modern regulatory policy: General theoretical and practical aspects. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik [North Caucasus Legal Vestnik]*. 2020;1:35-41. (In Russ.).

Becker GS. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press; 1976.

Belenko NM, Stolyarov MV. Three stages of the development of Federalism in post-Soviet Russia. *Federalizm*. 2006;3:33-56. (In Russ.).

Criscuolo A. The Role of Law in the Era of Change. *Kutafin University Law Review*. 2015;(2):255-256.

Drakina MN. To the question of the relationship between the concepts of «incentive» and «stimulation» in legal science. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Juridical Education and Science]*. 2008;1:78-83. (In Russ.).

Fialkovskaya ID. Methods of public administration: Questions of theory. A monograph. Kazan: Buk Publ.; 2019. (In Russ.).

Fischbacher U, Gächter S. Social Preferences, Beliefs, and the Dynamics of Free Riding in Public Goods Experiments. *American Economic Review*. 2010;100(1):541-556.

Galbiati R, Vertova P. How Laws Affect Behavior: Obligations, Incentives and Cooperative behavior. *International Review of Law and Economics*. 2014;38:48-57.

Khabrieva TYa. Constitutional ideals and modern legislation. *Voprosy pravovedeniya*. 2013;5 12-22. (In Russ.).

Kiseleva OM. Incentive as a method of legal regulation. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2000. (In Russ.).

Kokotov AN. Constitutional and legal coercion. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2003;1:17-21. (In Russ.).

Kolobovnikov VN. On the place of incentive norms in the system of constitutional and legal norms. *Vestnik VI MVD Rossii*. 2007;4:78-83. (In Russ.).

Kulikov MA. The dialectical nature of stimulating legal means, or why a legal incentive is not identical to a legal restriction. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2022;4:31-35. (In Russ.).

Malko AV. Incentives and restrictions in law: A monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist publ.; 2003. (In Russ.).

Maly AF. Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2024;4(68):83-88. (In Russ.).

Maly AF. On the use of legal concepts in constitutional and legal scientific research. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;6:21-24. (In Russ.).

Melchenko SA. To the question of the relationship between the methods of legal regulation and the ways of exercising the right. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016;1(43):45-51. (In Russ.).

- Miroshnik SV. Theory of legal incentives: A study guide. Rostov n/A: SKAGS Publishing House; 2003. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. Award-winning legal relations: Theory, history, technology. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2020. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. On the concept of the right to a state award. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnyh nauk*. 2018;2(43):68-72. (In Russ.).
- Nigmatzyanov AA. Stimulation as a method of positive influence on personality. *Evraziyskoy akademii administrativnyh nauk*. 2022;4(61):56-58. (In Russ.).
- Podolsky AV. Preferential legal regimes: Theoretical and legal research. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Belgorod; 2020. (In Russ.).
- Praskova SV. About federal territorial units. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2013;12:1543-1551. (In Russ.).
- Repev AG. «Pre-emptive right» and «legal priority» in legal doctrine and legislation. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 2019;1:14-20. (In Russ.).
- Sidelnikov DE, Grachev VS, Gurbanov AG, Kondrat IN, Serov KN. Classification of measures of constitutional and legal coercion applied for the commission of constitutional offenses. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2006;4:153-159. (In Russ.).
- Taeva NE. Norms of constitutional law: Theoretical problems of classification. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;7:24-29. (In Russ.).
- Tumanov GA. The human factor in public administration. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1986;10:8-12. (In Russ.).
- Yugov AA. On the methods of the branch of Russian constitutional (kratological) law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2010;4:8-13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
diamondnig@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Almaz A. Nigmatzyanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
diamondnig@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 18 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 27 апреля 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 18.04.2025.
Revised 27.04.2025.
Accepted 15.06.2026.*